

убить жирондистов в самом Конвенте и тем не скомпрометировали Париж перед другими департаментами. Три дня прошло таким образом в переговорах, пока не было решено, что восстанием будут руководить все революционные элементы сообща: Совет Коммуны, Совет департамента и Общий революционный совет крайних, заседавший во дворце Епископства. Решено было, что над отдельными личностями не будет совершено никакого насилия и что имущества не будут тронуты. Ограничатся одним *нравственным восстанием* - давлением на Конвент, чтобы заставить его выдать революционному суду виновных депутатов.

Этот лозунг и был развит Маратом вечером 30 числа в Епископском дворце по выходе его из Конвента, а потом - в Коммуне. Он же, по-видимому нарушая закон, по которому смертная казнь полагалась тому, кто ударит в набат, первый раскачал и ударил в колокол городской ратуши.

Восстание начиналось. Делегаты из Епископства прежде всего, так же как это было сделано 10 августа, низложили мэра и Совет Коммуны; но вместо того, чтобы секвестровать мэра и назначить новый Совет, они вновь ввели их в обязанности, как мэра, так и Совет, взяв с них клятву, что они присоединяются к восстанию. Они так же поступили и с Советом департамента, и в ту же ночь революционеры из Епископства, Департаментский совет и Совет Коммуны соединились воедино, образовав один Общий революционный совет. Он принял на себя руководство восстанием.

Этот Общий совет назначил начальником всей национальной гвардии Анрио, командира одного из ее батальонов - батальона секции санкюлотов. Скоро набат раздался по всему Парижу; на улицах и площадях барабанщики били тревогу.

В восстании, впрочем, замечалась всеобщая нерешительность. Даже после того, как с часа дня начали раздаваться мерные набатные выстрелы пушек, поставленных у Нового моста, вооруженные люди из различных секций, вышедшие на улицу, не имели, по-видимому, никакого определенного плана. Два батальона, верные жирондистам, первые прибежали к зданию Конвента и расположились напротив Тюильри. Анрио с 48 пушками секций окружил здание Конвента.

Часы проходили, но никто ничего не предпринимал. Весь Париж был на ногах, но народные массы не появлялись около Конвента, чтобы оказать на него давление, так что жирондист Верньо, видя, что восстание дальше не развивается, убедил Конвент провотировать, что «секции заслужили благодарность отечества». Он, очевидно, надеялся ослабить этим маневром их враждебность по отношению к Жиронде. Восстание казалось, таким образом, неудавшимся, когда под вечер подошли, наконец, новые массы народа и наводнили залу Конвента. Тогда монтаньяры почувствовали, что им явилась поддержка, и Робеспьер потребовал не только уничтожения Комиссии двенадцати и отдачи ее членов под суд, но и возбуждения преследования против жирондистских главарей, которых насчитывали 22 и которые не входили в Комиссию двенадцати.

Но этого предложения и обсуждать не стали. Все, на что решился Конвент, - это было снова уничтожить Комиссию двенадцати и потребовать передачи всех ее бумаг в Комитет общественного спасения, который обязан был представить о них доклад не позже чем через три дня. Кроме того, Конвент подтвердил декрет Коммуны, в силу которого рабочие, которые останутся под ружьем вплоть до восстановления общественного спокойствия, будут получать по два франка в день, вследствие чего Коммуна сейчас же взыскала налог с богатых, чтобы заплатить рабочим за три дня. Решено было также, что трибуны Конвента будут открыты для публики без всяких билетов.

Дело ограничилось, таким образом, второстепенными уступками. Партия жирондистов оставалась в Конвенте в полной силе и по-прежнему имела за собой большинство депутатов; движение, стало быть, не дало никакого существенного результата.

Но тогда парижский народ, понимая, что в сущности ничего еще не было добыто, начал готовить новое восстание на последующий день, 2 июня. Революционный комитет, составленный в среде Совета Коммуны, не теряя времени, отдал приказание заарестовать бывшего министра Ролана и его жену (так как Ролан выехал, то арестовали ее одну), и он определенно потребовал у Конвента ареста 25 жирондистских депутатов. Вечером снова зазвонили в набат, снова раздались мерные пушечные выстрелы.

Тогда 2 июня весь Париж поднялся, чтобы покончить на этот раз. Более 100 тыс. вооруженных человек собралось вокруг здания Конвента. Они привезли с собой 163 орудия и требовали, или чтобы жирондистские вожди подали в отставку, или же чтобы 22 из них (позднее - 27) были исключены Конвентом из своей среды.

Ужасные известия, полученные в этот день из Лиона, придали восстанию новую силу. Оказалось,